Гравюра Н. КАЛИТЫ

100 лет со дня рождения АЛЕКСАНДРА БЛОКА

«...ОН ВЕСЬ —

Ваагн ДАВТЯН

«ГАМАЮН, ПТИЦА ВЕЩАЯ»

«СЕГОДНЯ я — гений», — записал в своем дневнике Блок, завершив поэму «Двенадцать». Случайно ли, что после создания именно этого произведения пришло к Блоку чувство самопознания? Думаю, нет. Ибо гений — не только литературные способности, заложенные природой, но и опыт страданий, и порожденная этими страданиями духовная творческая свобода.

«Двенадцать» — свобода, которую Блок обрел после мучительных противоречий. И эта свобода привела к осознанию собственной гениальности.

Он пришел, чтобы «строй находить в нестройном вихре чувства», находить извечную красоту. Однако его мечта, сталкиваясь с жестокой реальностью, рушилась. Еще в начале своего творческого пути он услышал песню Гамаюна, этой вещей птицы, которая

Вещает казней ряд кровавых,
И трус, и голод, и пожар,
Злодеев силу,
гибель правых...

Он услышал эту песню и почувствовал тревогу. С годами тревога росла, усиливалась, когда «девушка пела в церковном хоре о всех усталых в чужом краю, о всех кораблях, ушедших в море, о всех, забывших радость свою». Усиливалась потому, что поэт, «причастный тайнам», знал «о том, что никто не придет назад».

Поэт жил с обнаженными нервами — его могли ранить малейшие колебания атмосферы, а между тем на его долю выпал один из самых драматических периодов русской истории. Трагические события и даты сменяли друг друга, «кровавые воскресенья» потрясали действительность — и поэт, верный сын своего века, своей эпохи, с поразительной чуткостью воспринимал ее холодные и жестокие вихри. В маленьком стихотворении, посвященном птице Гамаюн, он как бы нарисовал монументальный автопортрет:

Предвечным ужасом объят,
Прекрасный лик горит любовью,
Но вещей правдою звучат
Уста, запекшиеся кровью!..

За прогресс и цивилизацию, за развитие своего искусства человечество платит страданиями своих лучших сынов. Блок был одним из этих великих мучеников, но из тех, которые умели любить «сей мир ужасный» и видеть за ним «мир иной, неописуемо прекрасный и человечески-простой...».

Поэзия Блока — огромный, сложный и противоречивый мир. Свет и мрак сталкиваются в нем постоянно, и в этом столкновении красок и теней открываются прекрасные картины, возникают прекрасные женщины, расцветают солнечные долины, встает Россия во всем своем бессмертном великолепии. В этом мире звучат вещие голоса о близящихся величественных днях, голоса, которые прозвучат в поэме «Двенадцать» народным гимном.

Я всегда с любовью и благоговением вхожу в мир Блока, и всегда стихия Блока подхватывает и уносит меня теми тревожными и чарующими дорогами, по которым прошел в своих туманных юношеских грезах поэт.

Вспоминаю далекие студенческие годы. В общежитии мы жили в одной комнате с Паруйром Севаком. Огромный синий том Блока был одной из наших любимейших книг. И каждый раз, садясь за работу, мы раскрывали том, наугад брали первую строку блоковского стихотворения и, сделав ее эпиграфом, начинали писать. Конечно же, то был эксперимент, но эксперимент, исполненный глубокого смысла. Блоковская строка, всегда волнующая и трепетная, становилась как бы ключом к вдохновению.

Блок навсегда остался для меня одним из самых эмоциональных, самых пронзительных поэтов мира.

НАД ЛЮБИМОЙ СТРОКОЙ

Станислав КУНЯЕВ

ВЗОР ЖИЗНИ

Порою загадочны, но всегда пророчески страстны размышления Блока о вражде стихии и цивилизации, хотя нелегко ясно и кратко выразить смысл того, о чем он по-разному повторял всю жизнь в стихах и в прозе; и чтобы более или менее правильно понять поэта, приходится строить целых два ряда слов-понятий, противостоящих друг другу. С одной стороны, стихия, революция, Родина, народ, музыка, жизнь, с другой — буржуазность, государственность, цивилизация, смерть... Очень субъективны и в строгом смысле слова не научны, но удивительно увлекательны и бескомпромиссны его мысли о вражде двух сил. Порой даже кажется, что весь смысл творчества он подчинил разгадке того, как и чем закончится эта борьба, кто будет диктовать ритм грядущей жизни — стихия или цивилизация.

«Распалилась месть Культуры, которая вздыбилась «стальной щетиной» штыков и машин. Это — только знак того, что распалилась и другая месть — месть стихийная и земная»... На все пласты жизни — на искусство, на политику, на социальное неравенство, на войны он всегда смотрел, имея в виду прежде всего противоборство этих обширных и неразрывно связанных друг с другом мировых сил. Но, как обычно бывает, наиболее впечатляющие картины борьбы, поскольку Блок был поэтом, заключены не в статьях, дневниках и письмах, а прежде всего в стихах.

Под насыпью, во рву
некошенном,
Лежит и смотрит, как живая,
В цветном платке,
На косы брошенном,
Красивая и молодая.

Знаменитое стихотворение «На железной дороге» построено — трудно сказать, случайно или осознанно — как поединок стихии и цивилизации, и поединок этот проходит в «зрительном варианте», в столкновении взглядов в буквальном смысле слова, в противоборстве взоров жизни и смерти. Мотив «взгляда», «взора», в сущности, и есть главная канва стихотворения. Неизвестная женщина, прекрасная незнакомка, может быть крестьянка, есть символ жизни, потому что ее глаза открыты миру даже и после смерти — «лежит и смотрит, как живая», потому что они мучаются, ищут, заглядывают в будущее. Но навстречу ей мчится железное дитя цивилизации — поезд с беспощадным мертвым взором:

Три ярких глаза
набегающих...

Ужасно даже то, что их не два, а три, как у дракона. Она еще принимает роковой взгляд трех чудовищных глаз за что-то живое и отзывается навстречу их блеску:

Нежней румянец,
круче локон...

Она еще надеется, что в поезде есть жизнь, которая ответит ей обнадеживающим взором:

Быть может,
кто из проезжающих
Посмотрит пристальней
из окон...

Но у людей, связавших свою судьбу с этой махиной, измученных «тоской дорожной, железной», уже полуживые взоры, у них «давно уж сердце вынуто», и они ничем не могут ответить на зов жизни. Их немочь опять же дана поэтом в деталях, подчеркивающих то, что у них атрофировано чувство зрения:

Вставали сонные
за стеклами
И обводили
РОВНЫМ ВЗГЛЯДОМ...

Гениальные стихи не рождаются случайно, ни с того ни с сего, по внезапному наитию. Они сделаны из того же «материала», что и весь мир творца, приметы их как бы рассыпаны по всему творческому пути поэта. Они есть венец постоянной работы его ума и сердца, концентрации мимолетных прозрений и растянутых во времени чувств. Наступает звездный час, когда все догадки, все предположения, все сомнения сменяются актом воплощения, и то, что воплотилось в слово, в свою очередь становится семенем иных будущих замыслов и свершений художника... Ведь недаром же так любил Александр Блок слово «взор», для него равноценное слову «жизнь» — «выхожу я в путь, открытый взорам», «мгновенный взор из-под платка». А вспомним мажорную музыку стихотворения «О, весна без конца и без краю...» — «чтоб мои воспаленные взоры раздражала, пьянила весна».

Свидетельств тому, что «взор» или «взгляд» для Блока означали «жизнь», не счесть...

Но вернемся к нашему стихотворению.

Разве что один живой ответный взгляд гусара, который можно назвать «взглядом жизни», на мгновенье обнадеживает неизвестную на платформе:

Скользнул по ней
улыбкой нежною...
Скользнул —
и поезд в даль умчало.

Стихотворение с трагической энергией катится к финалу, в котором жизнь и стихия проигрывают схватку со смертью и цивилизацией. Последний штрих, последний предсмертный обмен взглядами:

Так много жадных ВЗОРОВ
кинуто
В ПУСТЫННЫЕ ГЛАЗА
вагонов...

Знаменательно, что Сергей Есенин через десять лет разыграл финал подобного же спора живого с мертвым тоже на железной дороге. Помните красногривого жеребенка, пытавшегося обогнать поезд?

Милый, милый, смешной
дурачок,
Ну куда он, куда он
гонится?..

Егор ИСАЕВ

СЛОВО, РАВНОЕ СУДЬБЕ

ВЕНОК ПОЭТУ

В ШКОЛЬНЫЕ свои годы, в деревне, до того, как уйти в армию, а ушел я в армию после окончания 9-го класса, семнадцатилетним, о Блоке мне было мало что известно, как, кстати, мало что было известно и о Есенине. Просто я слышал что-то о них.

Со стихами Блока я более или менее основательно повстречался в армии, уже после войны, в нашей дивизионной библиотеке. Одни стихи мне показались слишком отвлеченными, холодными, а потому, может быть, даже чужими. Другие оказались мне ближе, но слишком сложными, что ли, в своем содержании. Скорее я в них чувствовал атмосферу, чем ту реальность, вокруг которой она возникла. Слышал больше эхо, чем сам звук.

Потом, позже, по мере приближения к Блоку, по мере познания его я не просто открывал для себя слово поэтическое, но и мир человеческий в этом слове, богатый, сложный мир.

И с каждым годом Александр Блок предстает передо мной как все нарастающее явление, как целый мир слова о жизни и жизни в слове. Я познавал и принимал Блока все глубже и сильнее по мере его движения от отвлеченной, перестетизированной символики, красоты к красоте жизненной, трудной красоте. Красоте, которую нужно добывать, переживая жизнь, а не беря ее готовой, книжной. Блок все больше и больше приближался к народу, жил, радовался и страдал жизнью народа, думал об этой жизни, входил каждым нервом в историю народа, России. И чем больше Блок приближался к жизни народа, тем выше, глубже, значительнее становился он как поэт. Его слово становилось равным жизни. Слово абсолютно совпадало с предметом. И этим Блок велик. Велик он своим незавершенным «Возмездием», циклом «На поле Куликовом», стихами об истории России, стихами о полевой России и о городской. Блок был на стыке этих двух Россий — городской, рабочей и крестьянской, полевой. Он был на грани исторической России, России во вчера и России будущего, которую надо будет созидать. Даже чувство ветра — в стихах и поэмах Блока очень социальное чувство: «Твои мне песни ветровые...»

Ветровые песни! Какая даль России! Я вижу эту даль, это зрительная даль, социальная даль, не просто географическая, погодная — ветровая даль. Приближаясь к народу, Блок приближался к революции и вместе с народом стал революционным поэтом. Доказательство тому — его поэма «Двенадцать». Эта поэма была написана даже не о революции, а в революцию, самой революцией, дыханием ее. Буранной силой ее социального, красного ветра. Вся ритмика поэмы — ритмика самой революции. Сама революция была как бы соавтором поэта. Фигура Христа в «венчике из роз» символизирует собой добро революции, сложность ее и веру в будущее. Вот такой символ я, в общем-то, приемлю.

Что касается ранних стихов Блока, буду откровенен: они до сих пор плохо мной прослушиваются и слабо видятся. Они для меня лишь доказательство высокого дара поэта, высокой его способности творить. Творчество же настоящее, настоящая работа были впереди. Это доказано недолгой, но очень насыщенной, богатой жизнью поэта. Жизнью и творчеством, слившимися с жизнью народа. А жизнь народа, как и его язык, бесконечна.

Иван ДРАЧ

ОТ МИЛЛИОНОВ ДРУЗЕЙ

КАК ТРУДНО о нем писать — как легко о нем пишется! Кажется, он в тебе с рождения — его редкостные музыкальные созвучия, такие крылатые и отточенные, такие печальные и дерзкие, живут в тебе с уверенностью бесшабашной, вроде бы не пришел он к тебе, одному из миллионов его читателей из какого-то зачитанного однотомничка, а жил, существовал всегда, звучал в твоей душе неповторимой музыкой. Вот и названо это слово — музыка! И еще — гармония. Поэт сопутствует гармонии, или, точнее, он принадлежал гармонии с такой истовостью, воевал за нее так самоотверженно, что самое имя его уже стало символом гармонии. Но дорога, зов к ней существовали именно потому, что он был беспощадно честен. С собой, с людьми, с миром. И он так жаждал гармонии, что не мог не воскликнуть в переломные годы: «Всем телом, всем сердцем, всем сознанием — слушайте Революцию». А ведь сколько бывших друзей отреклось от него именно потому, что был он беспощадно честен.

А сколько новых друзей принесло новое время! Сейчас их количество исчисляется миллионами. Сколько написано о Революции, сколько еще будет написано, но вряд ли появится произведение такой пронзительной чистоты, такой дерзкой распахнутости перед новыми ветрами времени, как это ощущается в «Двенадцати». А когда бури нового, атомного времени проносятся над нашими головами, мы поневоле вспоминаем призывы его «Скифов»:

Придите к нам!
От ужасов войны
Придите в мирные объятья!
Пока не поздно —
старый меч в ножны,
Товарищи!
Мы станем — братья!

Вот передо мной только что вышедшее в издательстве «Дніпро» издание украинского Блока. Впервые мы собрали то, что накапливалось годами. Именно сейчас вспомним, что Блок был любимым поэтом Павла Тычины:

И Белый, и Блок,
и Есенин, и Клюев.
Россия, Россия,
Россия моя!
...Стократ
распинаемый Киев,
И двести растерзанный — я.

(Перевод Е. НОВСКОЙ)

Эти строки были выдохнуты украинским поэтом в грозном девятнадцатом. Потом Павло Тычина перевел «Розу и Крест», сейчас перевод драмы опубликован в вышеупомянутом сборнике.

Максим Рыльский писал: «Я принадлежу к поколению, которое не только любило творчество Блока, но было очаровано им». Предисловие Максима Фаддеевича и несколько блистательных переводов украшают наш сборник. В досоветское время западноукраинский поэт Василь Бобинский, живший во Львове, перевел «Двенадцать» — польская цензура конфисковала отрывки поэмы. Потом ее переводили Дмитро Загул и Владимир Сосюра, самый свежий перевод сделан Дмитром Павлычко.

В издательстве «Радянський письменник» к юбилею вышла интересная работа Натальи Кузякиной «Александр Блок и Леся Украинка» — первая попытка сопоставления творчества двух великих современников.

То, что музыка поэзии Блока звучит над Днепром с покоряющей силой, — факт неоспоримый. Когда-то Александр Александрович был в Киеве. На балконе одного из домов репортерский фотообъектив запечатлел его гордую осанку. Сейчас бережно собираются редкие фотографии, а пряные провинциальные наблюдения за столичной знаменитостью, сохранившиеся на пожелтевших страницах киевской прессы, превратились в неоценимое свидетельство пребывания поэта на Украине, как и эти строки:

А уж там, за рекой
полноводной,
Где пригнулись к земле
ковыли,
Тянет гарью горючей,
свободной,
Слышны гуды
в далекой дали...
Нет, не вьются там
по ветру чубы,
Не пестреют в степях
бунчуки...
Там чернеют
фабричные трубы,
Там заводские
стонут гудки.

Наша земля помнит Александра Блока и — что самое замечательное — чисто и проникновенно, очарованно, как сказал Максим Рыльский, любит его музыку.

КИЕВ

ГОВОРЯТ ЗАРУБЕЖНЫЕ ДРУЗЬЯ

Анхель АУХЬЕР (КУБА)

ПЛАМЯ ПОЭЗИИ

ЖИЗНЬ Александра Блока была короткой, она как бы соединила XIX и XX века, заняв последние двадцать лет одного столетия и начальные двадцать — другого. Эта хронология сказалась на смысле и значении его творчества, потому что в ней отразились конфликты двух различных периодов жизни русского народа, дилемма между прошлым и будущим, между рушащимся старым миром и новым миром, «замешанным руками трудящихся», если сказать словами Хосе Марти.

Родившись в среде обеспеченной буржуазной интеллигенции, Блок преодолевает ограниченность своего класса, осознает необходимость радикальных перемен в родной стране, горести которой он воспринимает как свои, в обществе, несправедливость которого угнетает его. Погруженный в свою внутреннюю музыку — основное слагаемое его лирики, — он все же ощущал мощные аккорды окружавшего его мира. Чистое дыхание лирики, потрясавшее его жизнь, не помешало ему прочувствовать и выразить эпическое дыхание времени.

В Латинской Америке Блок прежде всего известен как автор знаменитой поэмы «Двенадцать». Когда в литературных журналах писали о советской поэзии и о Блоке, всегда ссылались на «Двенадцать», но самой поэмы, по сути дела, не знали. В разное время появлялись переводы поэмы в прозе или в стихах, но они не передавали заложенного в ней смысла. Нужен был новый перевод.

Ввиду приближавшегося столетия Блока группа кубинских поэтов, в которую входили Элисео Диего, Франсиско де Орас, Хосе Мартинес Матос и автор этих строк, взялась за трудную задачу дать наиболее близкие по смыслу и звучанию переводы его произведений. Мой перевод «Двенадцати» был опубликован в журнале Союза писателей и деятелей культуры Кубы «Унион» (№ 1, 1979 г.). Работа была нелегкой ввиду многих особенностей поэмы, ее связи с музыкой, фарсово-сатирической интонации, близости к народному говору того времени. Поэт выступает против старого мира и поддерживает грядущий мир социализма.

Образ великого поэта может открыться только в его поэзии. Но мы всегда жаждем последовать за ним и в те места, где расцвели его жизнь и творчество. Быть может, мы следуем в этом совету Гёте, который говорил, что если хочешь узнать поэта, нужно поехать в его страну.

В первые дни ноября я посетил Ленинград. В один незабываемый вечер мне довелось пройти по тем следам поэта, которые еще не стерло время. Надолго запечатлелись в памяти терракотовая масса дома № 9 по Университетской набережной, где родился Блок, вода и мосты над рекой у большого здания гренадерских казарм на Петроградской набережной, 44, где прошло детство будущего поэта, дом № 21/9 по Малой Монетной, где он жил с 1910 по 1912 год, где создавались его «Ямбы».

В этой завораживающей прогулке по городу Блока был и эпилог — на старой Офицерской улице (ныне ул. Декабристов). Там, в доме № 57, где Александр Блок жил с 1912 года, в августе 1921 года угасла его жизнь. Угасла? Не знаю, можно ли говорить об угасшей жизни, если мы все еще согреваем сердца пламенем его поэзии, если в эти прекрасные ленинградские сумерки я, скромный кубинский поэт, почувствовал себя вместе с Блоком, в лирической и эпической обстановке его столетнего юбилея.

Младен ИСАЕВ (БОЛГАРИЯ)

ГЕНИАЛЬНЫЕ ПРОЗРЕНИЯ

СТОЛЕТИЕ со дня рождения Александра Блока открывает перед нами все величие бессмертного русского советского поэта. По словам Маяковского, «творчество Александра Блока — целая поэтическая эпоха». Оно оказало огромное влияние не только на советских поэтов, но и на поэтов многих стран, включая и Болгарию.

В поэтической вселенной Блока нашли свое отражение некоторые из самых тревожных противоречий нашего века, глубокие предчувствия исторической обреченности старого мира, будущих «неслыханных перемен, невиданных мятежей».

Тревожная лирика Блока, наполненная живым дыханием истории, проникает в глубины души современного человека. Поэт смотрит на жизнь смело, острым, проницательным взглядом, с интуицией, которая помогает ему достичь гениальных прозрений будущего. Охваченный постоянной тревогой за судьбу униженного и оскорбленного человека в этом жестоком мире, Блок не идет ни на какое примирение с его темными силами.

Поэт постоянно ищет живые истины своего времени, идет к ним смело, сотрясаемый бурными ветрами эпохи, идет трудно, мучительно, но честно. Так он постепенно освобождается от некоторых романтических и мистических наслоений времен молодости. Иногда в его лирике звучат мрачные тона, навеянные окружающим его «грязным» миром, но пессимизм ему чужд. Он верит в человека.

Во многих произведениях Блок выразил свое предчувствие приближающейся катастрофы для старого мира и революционной бури, которая принесет справедливое возмездие. Эту бурю он всегда слышит, как музыку, предвещающую будущее.

И когда буря пришла, когда вихревые всадники революции полетели по широкой русской земле, Александр Блок не только встал на сторону революции, но и в самых вдохновенных строфах воспел ее священное дело. Поэма «Двенадцать» — это поэтический апофеоз великого революционного штурма, отметившего начало новой главы человеческой истории. Остались звучать во времени призывные слова:

Революционный держите
шаг!
Неугомонный не дремлет
враг!

Бессмертным заветом творцам художественных ценностей стали слова Блока, написанные в дни революции: «Дело художника, обязанность художника — видеть то, что задумано... Что же задумано? Переделать все. Устроить так, чтобы все стало новым; чтобы лживая, грязная, скучная, безобразная наша жизнь стала справедливой, чистой, веселой и прекрасной жизнью... Всем телом, всем сердцем, всем сознанием — слушайте Революцию».

Поэзия Блока — это лирическая биография человека и эпохи, с трагическими конфликтами и потрясениями, падениями и взлетами. Могучей магнетической силой наполнена его философски проникновенная, психологически и эмоционально глубокая, неповторимая лирика. Своими самыми яркими реалистическими произведениями Александр Блок продолжил в нашем столетии великую традицию Александра Сергеевича Пушкина.

У нас в Болгарии поэзия Александра Блока пользуется огромной популярностью и любовью. Еще в 20-е годы она была встречена с исключительным интересом болгарской интеллигенцией, особенно творцами литературы и искусства. Ее читали в оригинале и в переводах. А «Двенадцать» и патриотическая ода «Скифы» стали подлинным откровением для болгарской прогрессивной и революционной интеллигенции. В стремительном марше двенадцати красноармейцев наши читатели увидели победный взлет Октябрьской революции.

Еще в начале 20-х годов болгарский революционный поэт Гео Милев (убитый фашистами в 1925 году) перевел на болгарский язык поэму «Двенадцать». В переводе Николая Хрелкова выходит ряд стихотворений Блока. Много видных болгарских поэтов (Христо Радевский, Никола Фурнаджиев, Тодор Харманджиев и др.) переводили стихотворения и поэмы Блока. В 1960 году впервые на болгарском языке выходит объемистый том «Избранные стихотворения и поэмы» Александра Блока в моем переводе.

Мы, болгарские почитатели Александра Блока, испытываем настоящую любовь к его бессмертному творчеству и накануне столетия со дня его рождения преклоняемся перед его светлым гением.

Вадим ШЕФНЕР

ВЕРНЫЙ СЫН РОССИИ

КТО ЛЮБИТ всех — тот никого не любит. Я люблю не всех поэтов. Для меня высоковольтная линия дореволюционной российской поэзии проходит через такие имена: Державин — Пушкин — Лермонтов — Баратынский — Тютчев — Бенедиктов (да, Бенедиктов!) — Фет — Некрасов — Анненский — Блок... Это сугубо личное мое убеждение, на котором стою, но которого никому не навязываю. И, конечно, по более широкому сердечному и душевному счету мне дороги и близки не только эти поэты. Если бы, скажем, мне предстояло лететь в долгую командировку на Марс, я бы, кроме вышеупомянутых авторов, взял бы в свой чемодан еще не один том и томик — в том числе и сочинения своих современников. А вот книгу Блока я с собой не взял бы. Почему? Потому, что чуть ли не все его стихи я помню и так, наизусть. Он — мой любимый поэт.

В древнем Риме говорили: о мертвых — или хорошо, или ничего. Но к Блоку я отношусь как к живому. Некоторые его стихи мне не нравятся (но почему же и их хранит моя память?), к поэмам его питаю глубокое почтение, но не более: драматургия его до меня не доходит, она мне скучна. Но уж зато те его стихи, которые «дошли» до меня (а их большинство), производят на меня — да простит мне читатель старомодные слова — какое-то колдовское, чарующее действие. Иду иногда по улице и вдруг ни с того, ни с сего начинаю бубнить про себя блоковское стихотворение, и строки хватают мою душу и уносят ее в поднебесье. Не в холодный, не в мертвый простор — а в ту высь, из которой видишь весь мир как бы заново, как будто он только что возник.

Тайна обаяния Блока, тайна воздействия его стихов на меня мне до сих пор неясна. Как странно: размышляя о других поэтах, стихи которых тоже вошли в мою жизнь и судьбу, я хоть приблизительно, хоть косноязычно, но все же могу объяснить себе и другим, чем именно они меня покорили. Но в чем сила Блока — не знаю. Какая-то магия сокрыта в его поэзии, и все потуги мои определить ее, расшифровать, обозначить словесно, кажутся мне примитивными, банальными, недостойными Блока.

А он банальностей не боялся, не страшился порой шагать по самому острию, по той беспощадной к художнику грани, которая отделяет пошлое от возвышенного, дольнее от горнего. Не было, на мой взгляд, в XX веке поэта более незащищенного и в то же время более творчески смелого и более естественного в своей смелости. Быть может, именно небоязнь будничности, повседневности, нерасторжимый союз «низкого» и сказочно-возвышенного и придают его стихам такую душевную и духовную убедительность? Стихи его всегда удивительно чисты по внутреннему их замыслу, но чистота эта не холодно-стерильная — она прокалена на мучительном огне, она рождена в борьбе поэта со злом, с человеконенавистничеством, с преклонением слабых перед псевдосильными.

Блок и сегодня присутствует в нашей поэзии. Он вошел в нее не по широким дорогам копирования и поверхностного ученичества, а по каким-то тончайшим духовным капиллярам. Блок живет не в истории поэзии, а в самой Поэзии.

И всегда, при всех бедах и обстоятельствах, он оставался верным сыном России. Он утверждал: у поэта нет карьеры — у него есть судьба. И подтвердил это всей жизнью своей и своим творчеством, всем наследием, завещанным нам.